

A dark, atmospheric photograph of a nest containing several dark, wet eggs. The nest is made of twigs and is situated in a swampy, dark forest with tall, thin trees in the background. The lighting is dim and moody, with a reflection of the nest visible in the water below.

Даниил Азаров

Болотные дети

Даниил Азаров
Болотные дети

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69206971

SelfPub; 2022

Аннотация

Сказка ложь, да в ней... все может быть далеко не так сказочно,
как хотелось бы...

Даниил Азаров

Болотные дети

1

Василь широко зевнул и поскреб густую щетину. За окном еще темно, но пора было вставать. Он осторожно сдвинул с груди Глашу и сел, свесив ноги с полатей. Та что-то пробормотала во сне, вроде бы "Вернешься пьяным, убью", да перевернулась на другой бок. Он хмыкнул, ловко спрыгнул вниз, от души потянулся. Скрипнув дверью, Василь вышел на крыльцо, черпанул огромной ладонью холодной воды из ведра на лавке и плеснул в лицо, прогоняя остатки сна. Затем вернулся в дом, оделся, хлебнул прямо из кринки молока.

Как всегда, пролил немного на пол. Гланья опять будет бурчать, да и пес с ней.

Он разложил на столе цветную широкую тряпицу, загреб из стоявшей рядом бочки огурцов и высыпал ну кусок ткани. Из широкой деревянной миски взял пухлую булку хлеба, отломил добрую половину и положил туда же. Потом все свернул, да убрал за пазуху. Выйдя снова на улицу, он зашел в подклеть, перекинул через плечо бредни, выбрал багор покрепче, постоял немного подумал, взял маленький топорик. Рыбалка рыбалкой, но мало ли чего можно по дороге встретить. До озера всего пара верст, но через лес, так что – пусть

будет.

Едва выйдя за калитку, Василь встретил Тихомира примерно с таким же снаряжением.

– Здоров сосед, выспался? – кивнул он приятелю.

– Ай, иди ты к лешему, и брагу свою с собой заberi. Чтоб я еще раз, на ночь глядя, с тобой на чарку наступил.

Василь хохотнул и хлопнул его плечу.

– Не зуди, оскома. К озеру придем – искупаешься. Полегает.

– Дойти бы еще, – Тихомир скривился и закатил глаза, – голова пополам сейчас треснет.

Они дошли до окраины деревни, свернули в небольшой подлесок, где их уже ждал третий участник рыбалки. Богдан поздоровался с соседями, поднял с земли снасти и все вместе они углубились в чащу леса.

Млада перекадилась на спину и тяжело дыша, уставилась в сереющее рассветное небо. Перун свидетель, она устала как собака. Хотя нет, даже собака бы так не вымоталась. Ведь у нее целых четыре ноги вдобавок к хвосту.

Вот какая жаба дернула ее тогда?

А, ну конечно, Руся. В таракана упруся.

– Млада, ты что! Это же такая ночь! Ивана Купала! Всего раз в год! Пойдем к деревенским! – пискляво передразнила она подругу.

Сходилили, погуляли.

Млада подняла голову и поверх обнаженной груди посмотрела на свой темно-изумрудный хвост, который сейчас бесполезным балластом лежал, чуть подрагивая, на земле. Все-таки он у нее красивый, чешуйка к чешуйке.

Был. Три версты назад.

Она с ужасом увидела блестящие проплешины и закусила от обиды губу. А впереди еще почти столько же. Эх.

А ведь знала! Знала! Не стоит слушать эту малахольную.

Ну да, Купала. Ну да, можно раз в год выйти на сушу и походить ногами по земле. Вот тоже удовольствие, по веткам да корням босыми ступнями шлепать. Давно, еще в детстве, ей хватило одного раза, чтобы понять, насколько это глупое занятие. И по что согласилась на такую дурнину? А знамо было по что.

Тоска заела Младу по нормальному мужику. Нет, и у них в озере можно было поискать. Утопцы были, хоть и тупые да дутые, но всеж мужики. Водяные – страшные, конечно, но если морду илом припорошить, то и вполне себе, не лицо же ей нужно, в самом деле. На худой конец оставался Карась Игнат. Хотя там и правда был... худоват... кончик...

Но все они ей сидели уже в печенках. Младе хотелось обычного, здорового, теплого желательно, мужика. Поэтому, Руся, само собой жаба, но уговаривать ее долго не пришлось, это факт.

В целом, сама виновата. Мда.

Она перевернулась обратно на живот, поднялась на руках и поползла дальше, оставляя за собой широкий метущий след.

Хотя погуляли они тогда на славу, грех жаловаться. Зате-сались среди деревенских девок, да увели в тихую себе по мужику до ближайшего подлеска. Ей достался могучий, широкоплечий Василь, с руками будто колоды. Правда по началу он все озирался в поисках жены, но потом, когда они забрались подальше в кусты... Вот это был мужик, что надо.

Охаживал сзади мощно и размашисто, грубо прижимая ее голову своей огромной лапицей к земле. Позы менялись одна за другой, сухие ветки царапали нежную девичью кожу до крови, однако она этого даже не ощущала. А как он мял ее полные груди, рыча почти по-звериному, покусывал розовые соски... ох...

От одного только воспоминания об этом потяжелело внизу живота и накатила сладкая истома, заставив прервать нелегкий путь.

Но через две недели пришла расплата за удовольствие. Когда Млада поймала себя на том, что жует обмотанную тинной бересту. И жует с удовольствием!

Пришлось срочно брать ноги в руки (ну да, не ноги, так не хвост же!) и мчаться к Морене на прием. Диагноз беспощадно подтвердил вкусовые девиации – Млада беременна. Но это было полбеда.

Основная проблема состояла в том, что единственной бла-

годатной средой для нормального созревания икры являлась теплая болотистая топь, которая находилась аж в пяти верстах от озера!

Вот кому, скажите на милость, пришла в голову мысль, что все должно быть именно так! Пиявку ему в глотку.

Что жить русалки должны в озере, а икру метать в болоте! Не иначе, как Чернобог удружил.

Нет, конечно, Млада могла плюнуть, да снереститься тайком где-нибудь в камышах, и черт с ним. Только она так не хотела. Во-первых, она не такая, во-вторых, это ее дети, а в-третьих...

В-третьих, Млада краем уха слышала истории, когда такие вот брошенки вылуплялись все-таки в холодной озерной воде и навещали потом своих мамаш. Так себе были визиты, судя по рассказам.

Потому, в означенный Мореной срок, поздним вечером, русалка выбралась из озера и поползла на руках к болоту. Путь неблизкий для такого рода передвижения, а вернуться надо было пораньше, дабы не попасться на глаза кому лишнему. А потом, примерно через месяц, этот путь придется повторить снова, потому что оставлять без присмотра болотных детей не стоило. Бед натворят, Морена по голове не погладит.

В общем морока теперь предстоит та еще.

Мать-героиня, не иначе.

Добраться ей удалось слегка за полночь. Она нашла самое

укромное топкое место и за последующие два часа отложила туда более полусотни матово черных, жемчужных икринок.

Сейчас оставалось уже полпути обратно до родного озера, ободранный хвост, да немеющие от усталости руки. Ну ничего, еще чуть-чуть и все кончится.

Еще чуть-чуть.

Мужики шли по предрассветному лесу, изредка перекидываясь парой слов. Богдан был чуть впереди, выглядывая по дороге грибы. Вдруг он встал, как вкопанный и друзья уткнулись ему в спину.

– Глянь, Василь, – сказал он, указывая под ноги рукой, – тут походу тащили кого-то волоком.

Василь обошел его, присел возле широкой полосы примятой травы, наискосок пересекавшей тропинку.

– А и правда, странное дело.

Он наклонился почти к самой земле, что-то поднял и удивленно показал друзьям.

– Чешуя, мужики. Рыбину чтоль тащили какую? Да здоровую! Нук, пойдем глянем, кто тут в наших краях промышляет.

Они свернули с тропинки и направились по следу. Долго им искать не пришлось. Буквально через полторы сотни шагов они наткнулись на кряхтящую, ползущую Младу.

– Вот это мы порыбачили! – присвистнул Тихомир. – Ру-

салка натуральная! Много от бабки про них слышал, но чтоб в живую – ни разу не довелось!

Проклиная про себя такое невероятное "везение", Млада обернулась и недовольно проворчала:

– Так и сейчас забудь, что видел. Развелось вас по округе, спасу нет. Идите куда шли.

– А может в деревню ее отнесем, в пруд наш посадим, де-творе на потеху? – не слушая русалку, вслух начал размышлять Богдан.

Внутри Млады все похолодело. А ведь могли. Вдали от озера ее чары не действовали, так что заморочить их сейчас она не могла никак.

– А ну проклянет? – Василь недоверчиво косился на русалку.

– Да нет, не должна. Бабка говорила, вдали от озера своего они, как дети беспомощные, – ответил Тихомир. – Что Василь, справишься с бабой? Я не потащу, у меня голова болит.

Ну как же! Точно! Как она сразу его не узнала! Хорошо, попробуем сменить тактику.

Млада развернулась целиком к друзьям, выставив на показ свою красивую высокую грудь, улыбнулась и ласково спросила.

– А ты что же, Василь? Не помнишь меня?

Тихомир с Богданом одновременно уставились на друга. Василь озадаченно почесал в затылке, затем глаза его расширились, и он ткнул пальцем в Младу.

– Ивана Купала!

– Молодец, – промурчала русалка, – жаркая была ночь, да?

– Василь, а ты, что, ее того? Оприходовал? – гыгыкнул Тихомир.

– Да еще как оприходовал, – сверкнув глазами, ответила за него русалка.

– Глашка тебе яйца то серпом побреет, – в полголоса усмехнулся Богдан, но девка хороша, спорить не буду. А ты куда ее? Под хвост жажнул?

– Да пошел ты! – пихнул Василь Богдана.

Но тот был прав, Глаша была баба с норовом, даром, что старостина дочка. Ежели узнает о таком леваке, мало ему не покажется. Да и от главы деревенского еще прилетит.

– Глаша? Красивое имя, – Млада говорила мягко и ласково, но издевка проступала в каждом слове, словно роса поутру. – Ну что же, давай, неси меня в деревню. Вместе ей все и расскажем, а? Но не волнуйся, – она подмигнула Василию, – переедешь потом к нам на озеро. Ты там нарасхват будешь, обещаю.

Василь злобно зыркнул на русалку.

– Ты давай не кудахтай тут, ползи куда, – он запнулся, – куда шла.

Здоровяк развернулся, угрюмо пошел обратно к тропинке. Богдан с Тихомиром еще раз оценили грудь русалки и отправились догонять друга.

Она какое-то время усмехаясь смотрела им в спины. Тупое мужичье.

– А хочешь я ей приснюсь, да сама все расскажу? Милый!?! Куда же ты?

Русалка перевернулась на живот, поползла дальше. Первые рассветные лучи уже тронули верхушки деревьев и надо было поторопиться, чтобы не встретить на пути кого-нибудь еще. Само собой присниться она никому не могла, но откуда этим мужланам такое знать? Нехай побздят, им полезно будет.

Млада почувствовала какое-то движение за спиной, хотела обернуться, но в этот момент острие багра пробило ей спину и вышло наружу, прямо между таких красивых грудей. Она захрипела, выдувая кровавые пузыри. Следующим мощным ударом, Василь развалил топориком ее голову пополам.

– Лешему приснись, паскуда.

Он злобно плюнул на изуродованный труп русалки.

– Ветками закидаем, да дальше пойдем, – Василь повернулся к стоявшим поодаль друзьям, – помогайте, че встали.

– А жаль, – пробормотал Тихомир, – баба правда красивая была.

Минул август. Лето еще держало свои позиции, но осень уже начала исподволь раскрашивать листву в желто-оранже-

вые цвета. Вечерами стало заметно прохладней, и деревня готовилась к долгой и трудной зиме.

Лесные жители тоже, предчувствуя надвигающиеся морозы, суетились во всю. Делали запасы еды, утепляли мхом жилища, а кто-то и вовсе собирался к отлету в далекие теплые страны. Весь лес кишел бурной деятельностью, только вокруг болота все было тихо. Звери, словно чуя неладное, старались обходить его стороной. Более того, они даже не охотились в его окрестностях.

И вот, когда половина сентября уже осталась позади, тихая, затянутая темно-зеленой ряской, водная гладь болота ожила. Вздрыгнула, вздулась матово черным шаром размером с небольшой арбуз. Через секунду на поверхности, вместе с пузырями воздуха, появился еще один. За ним следующий, и еще, и еще...

Болото бурлило. Одна за другой поднимались раздувшиеся до невероятных размеров икринки.

Внутри той, что всплыла самой первой, что-то зашевелилось. Верх шара вытянулся и порвался, высвобождая целый поток тягучей мутной слизи, из которой показалась маленькая детская ручонка с острыми коготками. Еще через мгновение вылезла вторая, разрывая шар окончательно. Существо скрылось под водой.

Рядом начали лопаться ее соседи. Десятки сморщенных ручек выбирались из своих пристанищ. А затем на берегу показался первый новорожденный. Хватаясь пальчиками за

траву, существо выбралось из воды на землю и стояло, пошатываясь, привыкая к непривычной для него обстановке.

Оно был размером с небольшого котенка. Сморщенная головка с гладким детским личиком, которое мало чем отличалось от обычных новорожденных, если не обращать внимания на абсолютно черные, без белков, блестящие глаза. Туловище, со вполне нормальными ручками, за исключением острых коготков, а вот ниже...

Сложенные ноги существа были по лягушачьи вывернуты в обратную сторону и покрыты мелкими чешуйками темно-изумрудного цвета. Новорожденный сделал первые неуверенные шаги. Открыл рот, полный острых, как иглы, зубов. Вздыхнул, поморщился и чихнул, повалившись на бок. Раздалось возмущенное чириканье.

Из топи стали вылезать его новые братья и сестры.

И вскоре берег оказался заполнен чирикающей, шевелящейся массой детских тел на лягушачьих ножках.

Вдруг один из них молниеносно выпрыгнул вертикально вверх, кляцнул зубами и приземлился, держа во рту какого-то жука.

О да, это была очень голодная масса.

Сначала медленно, но потом все быстрее и быстрее они начали двигаться вперед, изучая лес на предмет пищи.

сохраняло прежнюю форму. Некогда красивый изумрудный хвост полностью облез, выступая из-под наваленных веток полупрозрачными костями. Болотные дети, прыгающие неумолимой лавиной, уничтожающей все на своем пути, на-ткнулись на тело русалки и резко остановились. Один из них, самый крупный, подошел к торчащей из завала, чернеющей от гнили, руке, обнюхал и вдруг звонко и отрывисто чирикнул. Он ухватился ладошками за мертвые пальцы и начал их трясти, продолжая чирикать.

Затем как-то сник, успокоился, обнял мамину ладонь и замер, прижавшись к руке головой.

Этот ритуал повторил каждый из них, и лавина пошла дальше.

6

Нежа, как раз доставала из колодца полное ведро, когда почувствовала какое-то копошение в ногах.

"Крыса!" – мелькнула в голове ужасная мысль, заставив ее с визгом отскочить в сторону.

Но нет, оказалось это странный, но очень миленький ребеночек. Правда слишком маленький, даже для новорожденного, чуть больше котенка. Он сидел и смотрел на нее не моргая, своими блестящими черными глазами.

– А ты откудава тут? Такой миловатый весь?

Нежа присела, протянула к нему руку. Миленький ребеночек как-то очень быстро и странно скакнул вперед. Она

ощутила словно ожог, а затем увидела внезапную пустоту вместо трех пальцев.

Ее истошный вопль поднял на уши добрую половину деревни.

Из ближайшего к колодцу дома, в одном исподнем, выскочил дед Кузьма. Спешно спускаясь с крыльца, он почувствовал резкую жгучую боль в ноге, споткнулся от неожиданности, и упал плашмя на землю. В его возрасте падение само по себе уже неприятная штука, а когда, вдобавок к этому, из перекусанной почти пополам голени хлещет кровь – это совсем беда. Кузьма заорал едва ли не громче самой Нежи.

По всему поселку захлопали двери. Мужики выскакивали из домов, кто в чем, пытаюсь понять, что происходит. Скоро заголосили в огородах бабы, выбегая из калиток и размахивая прокусанными конечностями. Вот, кто-то, прямо по середине улицы, схватился за горло и рухнул, заливая пыльную дорогу кровью.

Болотные дети заполонили всю деревню, сея страх и панику среди ее жителей.

Тихомир, вооружившись вилами, почти загнал одного уродца в угол клетей, но почувствовал, что на спину ему прыгнули еще двое. Попытался смахнуть их и лишился приличного куска ладони. Пока он прыгал на месте от боли, загнанный им детенок оскалился, да прыгнул тому прямо в лицо.

Деревенский староста Всеслав, уже в годах, но все еще

крепкий и кряжистый как дуб, отмахивался топором, пытаюсь отогнать несколько насевших на него странных прыгучих детей. Они скалили свои неожиданно большие зубастые рты и каждый раз ловко уворачивались от очередного взмаха.

"Огонь! Нужен огонь!" – промелькнула спасительная мысль. Он забежал в сени, хлопнув за собой дверью. Стянул с себя рубаху, обмотал ею первую попавшуюся палку, чиркнул кресалом. Однако едва снова распахнул дверь, как сразу с десятков детей прыгнули на него, облепляя со всех сторон. Ничего не видя от заливающей лицо крови, Всеслав крутился как бешеный, размахивая во все стороны бесполезным факелом. Вспышка острой боли и откусанная кисть, вместе с горящей палкой, падает на устланный соломой деревянный пол...

7

Василь с тревогой привстал с облучка, вглядываясь куда-то в горизонт.

– Глань, нук посмотри, кажись дым с нашей стороны валит.

Задремавшая жена недовольно зевнула и посмотрела куда указывал муженек.

– Дымит чет, да. Мальцы поди опять сено подожгли. Митяй, негораздок, ничему его жизнь не учит, – ответила она, помятуя прошлогоднее происшествие, когда из-за выходки соседского мальчишки вся деревня полдня бегала с ведрами

от колодца до горящего на поле стога сена.

– Ну, может и так, – пожал плечами мужик.

– Да поехали уже, домой охота, укачал меня совсем.

Глаша снова откинулась на мягкое сено и прикрыла глаза.

Всю прошлую неделю они провели у родителей Василя в соседней деревне. Его старший брат, тамошний староста, праздновал рождение второго сына и событие сие отмечал с размахом, собрав всех многочисленных родственников, разлетевшихся по соседним селам.

– Вон, братец твой, второго заделал, а ты что? – не преминула уязвить Василя жена во время застолья, – курошуп малохольный, ток и можешь, что на чужих девок заглядываться.

Тогда они сильно поссорились и до сего момента особо не разговаривали.

Уже подъезжая к деревне, Василь снова растолкал жену, шепотом сказал:

– Говорил тебе, бабе дуре, беда у нас в деревне какая-то.

Глаша протерла глаза, хотела уже было рывкнуть в ответ что-нибудь непривлекательное, но потом увидела, о чем говорит муж, да промолчала.

Первый же стоявший на подъездной дороге дом выглядел действительно, мягко говоря, странно. Дверь распахнута настежь, слюдовые оконца (а именем таковых гордилась вся деревня) побиты, а все крыльцо было в странных бурых пятнах.

И никого.

Да и вообще по всей деревне царила странная тишина, нарушаемая редким щебетанием каких-то птиц.

– Давай поглядим, чего там дымит, – так же тихо ответила Глаша, – токмо не торопись.

Они въехали в деревню и везде была примерно одна и та же картина. Пустые дома, поломанные ограды, сорванные с петель двери, да огромные темно-бурые кляксы тут и там.

– Слышь Глань, а ведь то кровь похоже, – снова прошептал Василь.

– Знамо дело, не брюкву давили, – огрызнулась Глаша, – какая собака посмела? Отца надо найти, да к князю за дружиной бежать. Светлогор то уж разберется, что за лихо тут...

В этот момент они выехали на главную улицу, с которой открывался вид на дом старосты. Точнее на то, что от него осталось. Обгорелые останки, черными гнилыми зубами, пятались в голубое осеннее небо. Погорел сам дом, подклеть и даже амбар. Непонятно как, но досталось и соседним дворам. По сути, самый зажиточный угол села теперь превратился в одно большое сажевое пятно с торчащими там сям печными трубами.

Глаша осеклась, судорожно всхлипнула. Затем одним махом перескочила через борт телеги и побежала, подобрав платье, вверх по дороге к дымящимся руинам.

– Тятя! Тятка! – орала она в голос, захлебываясь слезами, – Ты по что?! Ты где, родненький?

Василь начал испуганно озираться по сторонам, замахав ей в спину руками.

– Тише, дуреха! Куда? Постой, оглашенная!

Он собрался уже было спрыгнуть и догнать обезумевшую от горя жену, как заметил, что из пустующих домов вдоль улицы начали выползать... дети?

С виду годовалые карапузы, они передвигались очень странными, неуловимо быстрыми прыжками. Василь пригляделся и обомлел от страха. Вместо обычных ног у детей были темно-зеленые, чешуйчатые лягушачьи лапки! Они припадали к самой земле, вонзая в нее длинные острые когти, упирались ручками и взмывали вверх, очень быстро догоняя рыдающую женщину.

Она ничего этого не видела, а только продолжала бежать вперед, оглашая криком окрестности.

Но вот, вдруг споткнулась, упала прямо посреди дороги. Закопошилась, пытаясь встать, но запуталась в складках и снова упала. Один из детей молниеносно юркнул под подол. Через секунду на ткани начало расплываться большое красное пятно. Глаша опять завопила, но уже от боли и ужаса. Еще несколько тварей напрыгнули на нее сверху. Оцепенев, Василь смотрел, как эти маленькие уродцы рвут на части его жену.

Их полку прибыло, и теперь она вся была покрыта этими существами. Катаясь по пыльной дороге, Глаша редела как лось, пытаясь скинуть с себя неведомых чудовищ. Земля

вокруг уже пропиталась кровью насквозь. Теперь он точно знал, откуда возле пустующих домов взялись огромные бурые кляксы.

Не открывая взгляда от кровавого пиршества, Василь тихонько подопнул хлыстом кобылу, развернул телегу и помчался на всей возможной скорости прочь из деревни.

Сначала до брата, а потом к князю, за дружиной.

Стоя на облучке, он нещадно хлестал лошадь, утирая подувым кулаком нагрывавшие так некстати слезы.

Эх, Глашка, Глашка... Дурында ты бестолковая...

А позади, в телеге, зарывшись в приятное теплое сено, парочка болотных выродков приступила к одному, хоть и непристойному, но очень приятному занятию....